

Научная жизнь, обзоры, рецензии

УДК: 161.1

DOI: 10.15372/PS20210409

Целищев В.В.

МИР И ПРОТИВОРЕЧИЯ: ФИЛОСОФИЯ ДИАЛЕТЕИЗМА И НОВАЯ ЛОГИКА

Диалектизм и парадоксы

Книга Г. Приста «За пределами мысли»¹ затрагивает множество тем, концентрирующихся вокруг природы парадоксов в логике и философии. Парадоксы являются своего рода «аномалиями», поскольку означают существование противоречий, устранение которых выступает неперенным условием рационального мышления. Вся история логики, по сути, является кодификацией правил, гарантирующих вывод из истинных посылок истинных заключений. Парадоксы бросают вызов этому предприятию, нарушая сохранение истинности в логическом выводе. История парадоксов столь же стара, как сама логика, и столь же длинную историю имеют усилия по устранению парадоксов. Отношение к парадоксам определяется трактовкой статуса противоречия, по поводу которого, если прибегнуть к каламбуру, существуют противоречивые мнения. Противоречия могут зиждиться в мышлении или же в самом внешнем мире, они могут считаться нетерпимыми или же допускаться в той или иной степени, могут считаться досадной, но неустранимой помехой или же неизбежным следствием несовершенной человеческой природы и т.д. Соответственно, история философских взглядов демонстрирует множество подходов к пониманию природы парадоксов.

¹ См.: Priest G. *Beyond the Limits of Thought*. – Oxford: Clarendon Press, 2002.
© Целищев В.В., 2021

В общем-то, сама этимология слова «парадокс» взывает к его «разрешению», и опять-таки в истории философии есть множество предложений на этот счет. Тем не менее следует признать, что далеко не все усилия увенчались успехом и далеко не все попытки разрешения парадоксов оказались результатом проникновения в природу парадоксов. В отношении самых знаменитых (например, парадокс лжеца, парадокс Рассела) и менее известных парадоксов признано, что их «разрешение» заключается в том, что они «блокируются» концептуальными конструкциями, тонкими изобретениями человеческого ума, но имеющими скорее характер *ad hoc*, не гарантирующими ни всеобщего признания, ни универсальности в понимании стратегии избегания парадоксов. В самом деле, типовая теория Рассела или концепция истины в формальных языках Тарского, продемонстрировавшие поразительную изобретательность и фундаментальность в продвижении философского и математического знания, оказались лишь одними из вариантов во всем предприятии с разрешением парадоксов. «Живучесть» этой проблематики поразительна и, по мысли автора книги «За пределами мысли» Г. Приста, на то имеются особые причины. Хотя Прист отнюдь не одинок в объяснении этого феномена (объяснений и объяснителей огромное число), он выделяется радикализмом самой постановки вопроса относительно природы противоречий в рамках исповедуемой им концепции диалетеизма.

Согласно Стэнфордской философской энциклопедии, *dialetheia* – это такое предложение, что оно само и его отрицание являются истинными. Таким образом, *dialetheia* оказывается одновременно истинным и ложным предложением. Диалетеизм – это идея о том, что существуют такие предложения. Главный тезис диалетеизма заключается в провозглашении существования истинных противоречий. В этом смысле диалетеизм противостоит закону непротиворечия, согласно которому ни одно предложение не является одновременно истинным и ложным. Этот закон представляет собой один из главных принципов рационального мышления, и поэтому диалетеизм претендует на нарушение незбылемых канонов западной философии.

Радикализм Приста заключается в признании безнадежности устранения парадоксов до сих пор предложенными методами. Более того, эти методы Прист полагает неадекватными не из-за отсутствия у них достаточной логической изоциренности, а из-за неверных целей, которые ими преследуются. Блокирование парадоксов и тем самым избегание противоречий представляет собой результат действия концептуальной машинерии, которая не ставит своей целью объяснение пара-

доксов. Такое объяснение, если оно вообще достижимо, по мысли Приста, должно превосходить по общности все частные способы разрешения парадоксов. Требуется некоторая более общая схема, объединяющая эти частные способы, схема, стоящая над логической машинерией. И Прист находит универсальную отмычку подобного рода ко всем парадоксам в виде понятия вложения, которое является одновременно техническим и устройством. Далее мы более подробно опишем как этимологию, так и концептуальную структуру этого понятия, а пока лишь отметим необычность предложения Приста, связав ее с необычностью принятой им логики.

Понятие вложения

Сам Прист признается, что «понятие вложения явно странное. С момента его введения в параграфе 9.4 мы видели различные аргументы, подтверждающие существование вложений. Но поскольку понятие является противоречивым, могут возникнуть сомнения, что аргументация сработает, просто потому, что она путаная в некотором смысле». Дабы ослабить сомнения на этот счет и продемонстрировать непротиворечивость самого понятия вложения, Прист предлагает конструирование модели для этого понятия: «Это именно та стратегия, которую я принял здесь. Я покажу, что существуют модели (в стандартном теоретико-модельном смысле) условий вложения. Поскольку условия противоречивы, не существует моделей классической или интуиционистской логики. В данном случае эти модели являются (и должны быть) моделями параконсистентной логики». Этим все сказано касательно оригинальности подхода Приста.

Здесь самое место кое-что сказать о центральной роли понятия вложения. В каком-то смысле оно похоже на аналог металогического инструмента, в роли которого выступают некоторые теоретико-множественные соображения. В частности, при анализе парадоксов, причиной которых считается самореференция, Прист полагает, что эти парадоксы воплощают схему вложения, которая имеет дело со свойствами ϕ и ψ и функцией δ , такими что:

(1) $\Omega = \{y; \phi(y)\}$ существует и $\psi(\Omega)$	Существование
(2) если $x \subseteq \Omega$ и $\psi(x)$	(a) $\delta(x) \notin x$ Трансцендентность
(b) $\delta(x) \in \Omega$	Замыкание

Здесь Ω представляет тотальность, объемлющую все (все множества, объекты и проч.), а δ – оператор диагонализации, «диагоналайзер», осуществляющий «трансцендирование» пределов, или границ. Трансцендентность и замыкание получают точную формулировку, воплощая подлинную противоречивость. Менее очевидно появление еще одной категории – существования. Она необходима Присту, поскольку он исходит из того, что нашему мышлению свойственна «тотализация», и поэтому существование Ω представляется ему бесспорным, хотя именно оно является «причиной» большей части проблем для традиционных исследований. Такая компактная схема, называемая схемой вложения, кладется Пристом в основу всего видения противоречий.

Перед тем как пояснить действие с виду странной схемы вложения, следует заметить, что фактически эта схема вторит анализу парадокса Рассела, точнее, способу разрешения парадоксов Расселом. По мысли Приста, так называемая схема Рассела, внешне копирующая схему вложения, является частным случаем последней. Отличие состоит в том, что Рассел просто блокирует парадокс, а схема вложения объясняет противоречие, тем самым обладая большей общностью. Такое сходство – не просто совпадение, а более важное обстоятельство. Прист берет стратегию Рассела в качестве прототипа разрешения парадоксов, поскольку эта стратегия воплощает одну из главных особенностей подхода Приста. Он считает, что решение всех парадоксов должно быть единообразным, коль скоро речь идет об общей проблеме объяснения противоречия. Как известно, разветвленная теория типов Рассела претендовала на решение как теоретико-множественных, так и семантических парадоксов. Разделение парадоксов на эти две группы Ф. Рамсеем в настоящее время считается общепринятым, как и то, что каждая группа требует своих методов разрешения. Прист полагает идею Рамсея неадекватной, аргументируя это тем, что в свете более поздних разработок она перестала быть обоснованной и что сейчас такое разделение поддерживается лишь традицией. В некотором смысле это реванш расселовской трактовки природы парадоксов в отношении рамсеевской.

Концептуальный аппарат и машинерия Приста

Здесь следует сказать о необычности самого категориального аппарата, используемого Пристом в виде замыкания, трансцендентности,

многочисленных схем, которые, по сути, являются целыми блоками доказательств, к тому же не всегда явно сформулированных или представленных. Вместо детальной работы по представлению логически выверенных доказательств Прист под правилами трансцендентности и замыкания имеет в виду неявные (подразумеваемые) блоки доказательства, так что нормальное доказательство оказывается слишком схематизированным. Однако Прист направляет все свои усилия на то, чтобы представить главный инструмент своих «доказательств» – схему вложения – как обычное нормальное доказательство. Но это доказательство того рода, когда некоторое утверждение одновременно доказывается и опровергается, порождая противоречие. То, что составляет доказательство, схематизируется в правиле замыкания, а то что составляет опровержение, – трансцендентность. В доказательствах от противного, проводимых с использованием главной схемы вложения, все логические детали, по выражению одного из критиков, прячутся Пристом под ковер, так что деталей просто нет.

Фактически аргументация Приста есть вариант смещения обычных логических правил со своего рода метаправилами в виде многочисленных «принципов», которые, как уже было указано, являются целыми блоками выводов: это принцип характеристики, схема концептуализации, принцип префикса, принцип области и т.д. Зачастую под этими названиями скрываются хорошо известные принципы, приспособленные Пристом к своим целям. Эти принципы и схемы вкупе с замыканием и трансцендентностью образуют концептуальный каркас, вливающийся в схему вложения, адекватный по мысли автора, для анализа феномена противоречия.

Помимо описания чисто логической роли правил, в том числе правил замыкания и трансценденции, Прист постоянно подчеркивает их «эвристическую» роль. Любой дискурс проявляет, по Присту, некоторые границы, или пределы. Постоянной особенностью опять-таки того же дискурса является преодоление или нарушение этих границ. Механика этого процесса с точки зрения диалетеизма такова. Выдвигается тезис, цель которого – установить предел, или границу, для какой-либо области интересов, что есть проявление правила замыкания (в определенных пределах). Тезис замыкания, однако, подразумевает либо требует для своей истинности или понятности исключения, нарушения границ, или пределов. Здесь слово «требует» апеллирует к неизбежному противоречию, причины и механизм которого проявляются в возникновении парадоксов самого разнообразного толка. Преодоле-

ние парадокса или выход за пределы установленного дискурса представляет собой проявление правила трансцендентности. Неизбежность противоречия обнаруживается в применении замыкания к самому себе. То, что было выразимо в дискурсе, для своего понимания требует выхода за пределы выразимости, и вот эта диалектика замыкания и трансцендентности составляет основу анализа философского дискурса. Наличие этой пары и, конечно же, схемы вложения делает этот анализ столь же интересным, сколько и удивительным.

Выход за пределы мысли в процессе преодоления границ апеллирует к некоторого рода диалектике познавательного процесса. «В этом есть что-то довольно уместное к ситуации. Граница по-своему парадоксальна, она одновременно соединяет и разделяет внутреннее и внешнее». Это примечание проливает некоторый свет на терминологию Приста. Его термин *Inclosure* может переводиться и как «вложение» (чего-то внутрь), и как «огораживание» (чего-то). В обоих случаях речь идет о границе между чем-то внутренним (что, собственно, вложено) и чем-то внешним (от чего отгораживаются). Это толкование усиливается замечанием Приста, что в современном английском языке более употребителен термин *Enclosure*, при этом он не объясняет свое предпочтение менее употребительного термина, но добавляет, что «*in*» в *Inclosure* часто используется для отрицания. Это несколько туманное добавление говорит в пользу интерпретации термина как обозначения и включающего (нечто), и отрицающего его. С точки зрения этой интерпретации более уместно было бы переводить *Inclosure* как «огораживание» или даже как «отгораживание» (области от ее отрицания), но громоздкость термина могла отпугнуть читателя, и было принято решение о «схеме вложения».

Схема вложения является не единственным, хотя и наиболее важным, среди методологических инструментов Приста, которые вносят существенный вклад в оригинальность изложения им проблем логики и метафизики. Изложение материала построено так, что подобный инструментарий вводится постепенно, по ходу введения новых идей и тем. Это имеет как преимущества, облегчая чтение книги, так и недостатки, поскольку трудно вообразить единство применяемых методологических новшеств. К тому же многие из них являются альтернативами известных (или стандартных) тем в логике и метафизике, и трудно понять, в какой степени единство концепции Приста определяется его собственным оригинальным видением философских проблем и в какой степени зависит от его реакции на принятую их трактовку.

Логическая машинерия Приста, которая до некоторой стадии остается эвристикой, получает свое точное оформление, когда он приступает к анализу парадоксов самореференции, где противоречивость вступает в свои права. Логико-математический анализ феномена самореференции (в различных ее проявлениях) считается одним из наиболее успешных способов объяснения и даже устранения парадоксов. Именно эти способы попадают под огонь аргументации Приста, что вполне понятно. Если противоречия признаются истинными, как это имеет место в диалетеизме, тогда природа парадоксов, которые и есть противоречия, должна объясняться по-другому, чем это принято в современной математике. Именно эта проблематика является центральной в книге.

Важность понятия вложения заключается в том, что оно формально схватывает ключевое положение Приста о пределах на границах мысли. Противоречия, которые проявляют схему вложения, порождаются двумя моментами: тотализацией множеств элементов с некоторым свойством и убеганием из этих тотальностей с технического устройства, так называемого диагонализера, природа которого дает ему возможность прорваться через любую такую границу. Критический момент наступает при самореференции этих концепций, когда результатом является противоречие в форме вложения.

История и контекст

Упомянутые особенности книги делают ее чтение одновременно и трудным, и увлекательным делом. Сам Прист говорит: «Я, однако, приведу достаточно технических деталей для тех, кто незнаком с этой областью, чтобы они имели возможность следить за ходом обсуждения. И насколько смогу, сделаю это так, чтобы было понятно людям, не занимающимся логикой». Это обещание вряд ли выполняется автором, поскольку большая часть рассуждения Приста включает компактные формальные доказательства, которые требуют предварительного знакомства со многими классическими результатами математической логики. Но даже словосочетание «компактные доказательства» не совсем здесь уместно: Прист пишет размашисто, он предпочитает широкий шаг, минуя детали, так что от читателя требуются, если он захочет проверить обоснованность аргументов Приста, значительные усилия. Впрочем, эти усилия вознаграждаются крайней необычностью стиля и формы изложения аргументации. И дело вовсе не в том, что эти ар-

гументы призваны оправдывать необычную доктрину диалетеизма. На самом деле в книге нет детальной защиты диалетеизма. Но те читатели, кто любит усматривать противоречия в аргументации философов, найдут в книге массу интересных деталей из истории философии, препарированных крайне оригинальной логикой Приста. Быть может, неожиданным окажется то, что Прист не прибегает к параконсистентной логике (чего можно было бы ожидать), да и сам диалетеизм при чтении книги можно как принимать, так и не принимать во внимание.

При рассмотрении современного состояния диалетеизма неизбежно упоминание двух главных фигур – Ричарда Раутли, впоследствии Сильвана (Routley-Sylvan) и Грэма Приста (Priest), которые, собственно, и запустили программу диалетеизма в качестве исследовательской программы в логике и философии. Формальное изложение логики диалетеизма, получившее большую известность, представлено в известной книге Приста «In Contradiction». Кроме того, Прист написал ряд важных статей и книг, в которых популяризировал свои идеи.

Эти идеи, уже в более широком контексте, нашли отражение в книге «За пределами мысли». Прист предлагает глубокий обзор избранных концепций в истории философии, которые он исследует в поисках доказательства диалетеических противоречий на границах мысли. Философская тематика книги включает четыре основные темы, фигурирующие на разных этапах истории философии: роль противоречий в пределах выразимости, итерации, познания и концептуализации. Весьма интересен краткий перечень мыслителей, анализ идей которых о роли противоречий занимает Приста в этой книге: Зенон Элейский, Платон, Аристотель, Секст Эмпирик, Николай Кузанский, Ансельм, Фома Аквинский, Лейбниц, Беркли, Кант, Гегель, Кантор, Фреге, Рассел, Витгенштейн, Рамсей, Гедель, Тарски, Куайн, Дэвидсон, Монтегю и Деррида. Книга содержит описание противоречий, которые проявляются в форме уже упомянутых выше различных «пределов». Несмотря на впечатляющее разнообразие контекстов, в которых фигурируют эти пределы, Прист претендует на точную их структурную характеристику в форме схемы вложения. Во втором издании книги Прист добавил анализ таких фигур как Хайдеггер и Нагарджуна. Если противоречивость философских концепций одних фигур встречается читателем с пониманием, то в отношении других возникает недоумение. Тем не менее Прист «подвел» всех их под одно основание, пользуясь необычными логическими средствами. Однако в какой степени его «логика» является действительно необычной?

Прежде всего, Прист обсуждает вещи, связанные с ролью его «базисной» концепции – диалетеизма. Связь этого направления с параконсистентной логикой очевидна, и поэтому комментарии по поводу приемлемости или спорности диалетеизма неизбежно касаются трактовки логики, в частности роли понятий предикации и логических констант, в первую очередь отрицания. Следует отметить, что в отзывах на книгу в этом контексте выделяется очерк Н. Теннанта – тщательностью и резкой критической направленностью. Теннант известен тем, что выдвигает свое собственное видение логики (см., например, его «*Taming of the True*»²). Здесь не место обсуждать расхождения двух авторов (в соответствующей главе книги им уделено достаточно места), но можно сказать о том, что по признанию Приста, который вполне осознает оригинальность своей программы, он не вполне понимает, чем лучше ситуация с логикой Теннанта, которая в той же степени, что и у Приста, отличается от стандартных рассмотрений. В частности, Теннант конструирует интуиционистскую систему логики, которая к тому же является релевантной. Но здесь надо отметить признание Приста, что понимание содержания его книги практически не зависит от того, принимает ли читатель диалетеизм или нет. Тем более это относится к параконсистентной логике, так что философский (или лучше сказать, логический) инструментарий Приста не зависит от этих вещей. Поэтому с некоторой точки зрения технический инструментарий исследователей, которые выходят за рамки конвенциональных исследований (как это имеет место у них обоих), вполне может быть нестандартным.

О структуре книги

Первое издание книги Приста содержало 15 глав, во втором было добавлено три главы. Весь материал организован в пять частей, взаимосвязь между которыми не очевидна. Часть 1 имеет дело с «докантовскими» философами. Часть 2 – с философией Канта и Гегеля. Часть 3 выпадает из историко-философского контекста, будучи посвящена анализу парадоксов с «технической» точки зрения, включая логику и теорию множеств, а также изложению деталей концептуальной «машинерии» Приста. Часть 4 посвящена философии языка нескольких ключевых фигур, в частности Г. Фреге, Л. Витгенштейна, Д. Дэвидсона и Ж. Деррида (такой подбор фигур порадовал бы Р. Рорти). Наконец,

² См.: *Tennant N. The Taming of the True.* – Oxford: Clarendon Press, 2004.

Часть 5, более необычная, посвящена М. Хайдеггеру и Нагарджуне, в философии которых автор усматривает некоторое сходство в отношении диалетеизма. Последнее имя может несколько озадачивать, но учитывая интерес Приста к восточным культурам, а также то, что сколько-то восточной специфики, очевидно, сюда привнесено еще и соавтором раздела, можно понять это стремление Приста обогатить концепцию диалетеизма.

Последняя глава Части 5 включала ответы на критику материала из первого издания. Все они, за единственным исключением, относятся к одной лишь («математической») Части 3 книги. Полезность этой главы (среди прочего) состоит главным образом в кратком резюме относительно значимости основных инструментов машинерии Приста, которые показали критикам особо спорными: это схема вложения, принцип области, принцип единообразного решения. Что касается материала первого издания, то оно содержало «техническое дополнение» о возможности построения моделей в параконсистентной логике.

Личное замечание

Переводчик, к великому сожалению, незнаком с автором книги, Г. Пристом (в отличие от своих более удачливых в этом отношении коллег), но, как оказалось, очень давно знаком с концепцией диалетеизма, так сказать, «из первых рук». Где-то на рубеже 1970–1980-х годов я познакомился с проезжавшим через Новосибирск неизвестным мне тогда Ричардом Раутли, и мы провели несколько часов за философскими разговорами. Раутли был похож скорее на геолога в пути, огромный бородатый угрюмый мужчина с рюкзаком за плечами. Хотя я совсем не помню подробностей встречи, сам разговор произвел на меня впечатление. Впервые я услышал диалетеические идеи (хотя я не под таким названием). Я тогда находился в тисках системы Куайна (А. Стролл в своей книге «Аналитическая философия: Двадцатый век»³ точно заметил, что Куайн был единственным аналитическим философом, выстроившим систему), и поэтому с величайшим изумлением слушал собеседника, не соглашаясь с ним ни в одном пункте. (И это понятно, если вспомнить приведенное в представляемой книге высказывание Куайна, что человек, утверждающий наличие противоречий в языке и мире, не знает, о чем говорит. Я тогда был молод и излишне катего-

³ См.: Стролл А. Аналитическая философия: Двадцатый век. – М.: Канон+, 2020.

ричен, так что данный перевод представляет собой некоторое запоздалое воздание должного людям, которые прекрасно знают, о чем они говорят.) Но самым важным в этой встрече было мое знакомство со знаменитой рукописью Раутли о «мейнонговских джунглях». Раутли долго не публиковал ее, размноженная рукопись лежала в департаменте, где он работал, и желающие покупали ее за 10 долларов. Мне эта рукопись досталась даром, и именно она оказалась одним из решающих факторов моего скепсиса в отношении неприятия Куайном интенциональных сущностей. Позднее я получал некоторые оттиски статей Раутли, которые вскоре стали приходить под именем Сильвана. Ранняя смерть сильной личности и оригинального логика и философа стала для меня утратой. В конечном счете, философские идеи оцениваются, согласно Р. Рорти, по тому, насколько они захватывают наше воображение. Поразительно неожиданная оценка парадоксальности и противоречивости философского дискурса, описанная другом и соратником Ричарда Раутли, Грэмом Пристом, захватила мое воображение, и я надеюсь, что после выхода в свет перевода, она паразит и других читателей.

Информация об авторе

Целищев Виталий Валентинович – доктор философских наук, профессор, кафедра гносеологии и истории философии Новосибирского национального исследовательского государственного университета (630090, Новосибирск, ул. Пирогова, 2); научный руководитель Института философии и права СО РАН (630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8).
leitval@gmail.com

Information about the author

Tselishchev Vitaliy Valentinovich – Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, the Department of Gnoseology and History of Philosophy at Novosibirsk National Research State University (2, Pirogov st., Novosibirsk, 630090, Russia); Scientific Director at the Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (8, Nikolaev st., Novosibirsk, 630090, Russia).
leitval@gmail.com

Дата поступления 13.11.2021